

Н. Г. ЯСТРЕБОВА
(Чебоксары)

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ
СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ
Ф. Н. ГЛИНКИ,
ПОСВЯЩЕННЫХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1812 года**

Аннотация. В статье раскрываются фольклорные традиции поэзии Ф. Н. Глинки об Отечественной войне 1812 года. Доказывается глубинная связь героев стихотворений Ф. Н. Глинки с персонажами русского фольклора.

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка, Отечественная война 1812 года, фольклор, песня, былина.

Отечественная война 1812 года стала одним из наиболее значимых событий русской истории начала XIX в. Стихотворения Ф. Н. Глинки об Отечественной войне 1812 года, принесшие ему прижизненную славу, составляют значительную часть литературного наследия поэта, который всегда считал себя певцом и летописцем той великой эпохи.

Литературоведы советского времени, анализируя стихотворения Ф. Н. Глинки об Отечественной войне 1812 года, останавливались лишь на его так называемых «военных песнях»: «Военная песнь...» (1818), «Солдатская песнь...» (1818), «Прощальная песнь русского воина» (1818), «Песнь сторожевого воина» (1818), «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» (1818), «Авангардная песнь» (1818). Между тем, к произведениям этой тематики примыкают и такие мало привлекавшие внимание исследователей стихотворения, как «Приветствие тихому Дону старого казака Грома Булатова, возвратившегося в станицу отцов своих после побед, одержанных на святой Руси в славной Отечественной войне 1812 года» (1818), «Тост в память донского героя» (1819), «Ответ графа Остермана» (1826), «Смерть Фигнера» (1826), «Место Сла-

вы» (1826—1827), «Партизан Сеславин» (1827), «Партизан Давыдов» (1827), «Графу Милорадовичу» (1829), «1812 год» (1839). Исследование особенностей фольклоризма этих лирических произведений, а точнее, выявление в них фольклорных истоков изображения героев Отечественной войны 1812 года и является целью настоящей статьи.

Ф. Н. Глинка принимал непосредственное участие в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии — исторических событиях, обусловивших новый взгляд на русский народ. Как верно заметил В. В. Кожин в «Книге о русской лирической поэзии XIX века», характеризовавший литературную ситуацию этого времени, «после Отечественной войны русская культура — и в том числе лирическая поэзия — открыла для себя и освоила стихию народа как основы нации, источника всех ее устоев и ценностей» [Кожин 1978, 49]. Проявленные простым русским крестьянином патриотизм, мужество, с одной стороны, и милосердие, доброта, христианское великодушие — с другой, заставили русское общество заговорить о так называемом русском духе, определили писательский интерес к миру русского крестьянства, его национальной культуре, его устному творчеству.

Отечественная война 1812 года стала Ф. Н. Глинку в родовом имении Сутоки. С приближением неприятеля, получив личный вызов от генерала графа М. А. Милорадовича, под командованием которого Глинка воевал во время кампании 1805—1806 гг., поэт надел, по его собственным воспоминаниям, «куртку, сделанную из синего фрака, у которой при полевых огнях фалды обгорели», присоединился к отступающей русской армии и стал волонтером. «Вступить сразу в офицерский корпус Глинка не может — его никто не знает, а все документы остались в горящих Сутоках. Он присоединяется к коннице генерала Корфа и отступает вместе с ним до Дорогобужа, а там примыкает к арьергарду генерала Коновницына. Волонтер — тот же солдат, только без формы. Он выполняет все солдатские обязанности и ходит в бой как рядовой. В неразберихе отступления никто не знает, что среди волонтеров офицер и

дворянин», — пишет в биографическом очерке о Ф. Н. Глинке исследователь В. И. Карпец [Карпец 1986, 313].

Общение с простыми русскими воинами на полях сражений и в нечастые часы солдатского досуга, знакомство с солдатскими песнями и сказками привело поэта к осознанию того, что народная поэзия, являясь неотъемлемой частью народной жизни, может составить ценнейший источник для литературы: «Солдаты наши большие охотники до сказок! Как теперь помню студеные, темные, дождливые ночи, когда (в 1805 г.) отступали мы от крепости Браунау к Дунаю. Холод, голод, слякоть и непогода — всё забывалось, когда ротный сказочник, смысленый краснойбай, начинал сказку про храбрых витязей и могучих богатырей. Ружье становилось легко, как перышко, солдаты не слышали ни трудного перехода, ни вязкой дороги. Сказка очаровывала их» [Глинка 1957, 453]. Следует заметить, что поэт, очевидно, говорит не только о собственно сказках, но и о былинах, поскольку в то время былины назывались богатырскими сказками. Подчеркивается им и великое значение песен для русского человека. Ссылаясь на слова М. И. Платова, донского атамана, героя 1812 года, он восклицал: «Русский солдат любит петь! И радость и горе изливает он в песнях веселых или жалобных. “На Дону песня — история”, — так сказал мне однажды знаменитый вождь донской, покойный граф М. И. Платов. И у нас в старину военные песни заключали в себе весьма любопытные предания исторические. Впрочем, сильное влияние песен на дух войска и народа везде и повсюду неоспоримо» [Глинка 1957, 454]. Отметив психологическое значение фольклора для его носителей, художник сумел зафиксировать некоторые особенности бытования сказок и былин в солдатской среде.

«Сильное влияние песен на дух народа» обусловило интерес поэта к этому древнему жанру народного творчества. Он был убежден в ведущей, решающей роли народа в победе над французами, и этот факт он стремился запечатлеть в своих произведениях. Ф. Н. Глинка осознавал, что отразить дух русского народа, создать его национальный

портрет невозможно без обращения к фольклорной этике и эстетике, отсюда и возникает его фольклоризм.

Под героем Отечественной войны 1812 года в лирике Ф. Н. Глинки понимается собирательный образ русского народа. Отчетливо прослеживается влияние фольклора на формирование образа лирического героя поэзии Ф. Н. Глинки, который, изображая Отечественную войну 1812 года как всенародное событие, пытался через индивидуальный голос передать состояние души всего русского народа. При этом особенно важным для него было проникнуть во внутренний мир воина-крестьянина, поскольку именно простой русский поселянин, проявив чудеса мужества и героизма, определил победу в этой войне. Неудивительно, что лирический герой Глинки — представитель нации, русского воинства.

В поле зрения автора находился человек, внешне неприметный: рядовой защитник Смоленска («Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии», «Солдатская песнь, сочиненная и петаая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года», «Картина ночи перед последним боем под стенами Смоленска и прощальная песнь русского воина»), сторожевой воин в Бородинской битве («Песнь сторожевого воина перед Бородинскою битвою»), защитник Москвы («Песнь русского воина при виде горящей Москвы»), старый казак («Приветствие тихому Дону старого казака Грома Булатова...»). Поэт стремился через отдельное лицо передать общее состояние народа.

С другой стороны, под героем Отечественной войны 1812 года часто подразумевается конкретная историческая личность. В стихотворениях встречаются такие исторические персонажи, как Д. В. Давыдов, партизан А. С. Фигнер, партизан А. Н. Сеславин, атаман М. И. Платов, граф А. И. Остерман.

В стихотворениях Ф. Н. Глинки образ может проявлять себя, как в былине, предельно динамично. Так, о партизане Давыдове поэт говорит:

Вот потонул в густых лесах с отрядом —
И след простыл!.. То невидимкой он,

то рядом,

То, вынырнув опять, следом
Идет за шумными французскими
полками
И ловит их, как рыб, без невода,
руками
[Глинка 1957, 154].

В былине сначала дается определенное главному лицу: Илья Муромец — «удаленький дородный добрый молодец», затем через преодоление различных препятствий «добрый молодец» доказывает истинность такого имени. Когда необходимо побороть врагов, которых «черным-черно», то:

Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьём
колоть,
Ай побил он эту силу всю великую...

В словах, которыми поэт характеризует партизана Давыдова, прослеживается еще одна параллель с былинным эпосом. Говоря о Давыдове «То невидимкой он, то рядом...», Глинка отсылает читателя к древнейшим былинам мифологического периода о великом искуснике, охотнике, воине, богатыре-оборотне — Волхе Всеславьевиче. Волх, как известно, наделен вещим знанием и особым искусством превращаться в различных зверей и птиц:

А и будет Волх десяти годов,
В та поры поучился Волх
ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколом;
А и другой-то мудрости учился он,
Волх,
Обертываться серым волком;
А и третьей мудрости-то учился Волх,
Обертываться гнедым туром —
золотые рога
[Былины 1988, 29].

Эти качества помогали богатырю не только побеждать врага, но и заботиться о благе своей дружины:

Дружина спит, так Волх не спит:
Он обернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам
и по раменью,
А бьет он звери сохатяя,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимый кус,
Он зайцами, лисицами не брезговал;

Волх поил-кормил дружину хоробрую.
Обувал-одевал добрых молодец, —
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые
[Там же, 30].

Связь с природой как характерная черта Волха отличает и Давыдова: «Его постель — земля, а лес дремучий — дом!» [Глинка 1957, 154].

Еще более явственна связь с былинным богатырем Волхом прослеживается в образе другого героя-партизана — Фигнера, о котором поэт прямо говорит:

О, Фигнер был великий воин,
И не простой... он был колдун!
[Глинка 1957, 134]

В характеристике, которую дает богатырю Волху В. П. Аникин, читаем: «Волхами исстари на Руси называли оборотней, колдунов, волшебников, чародеев и прорицателей» [Аникин 1964, 29]. В образе Фигнера чудесное присутствует, прежде всего, в его способности мгновенно перевоплощаться:

При нем француз был вечно
беспокоен...
Как невидимка, как летун,
Везде неузнанный лазутчик,
То вдруг французам он попутчик,
То гость у них: как немец, как поляк
[Там же],

в описании его военных подвигов:

Он едет вечером к французам на бивак
И карты козыряет с ними,
Поет и пьет... И распростился он,
Как будто с братьями родными...
Но усталых в пиру еще одержит сон,
А он, тишком, с своей командой
зоркой,
Прокравшись из леса под горкой,
Как тут!.. «Пардон!» Им нет пардона:
И, не истратив ни патрона,
Берет две трети эскадрона...
И вот опять на месте стал,
Как будто и не он!..
[Глинка 1957, 135]

В последней характеристике Фигнера слышится переключка с сюжетом известной народной исторической песни времен Отечественной войны 1812 года «Платов у французов»:

У Платова-казака
 Небритая борода,
 Нестрижены волоса.
 Платов голову остриг
 И бородушку обрил,
 У француза в гостях был.
 Француз его не узнал,
 За купчину почитал,
 На улочку выбежал,
 За оградою встречал,
 За белые руки брал,
 В нову горницу вводил,
 За дубовый стол садил,
 За дубовый стол садил,
 Чаем, кофеем поил
 [Исторические песни 1986, 460].

В историю Отечественной войны 1812 года полковник Александр Самойлович Фигнер вошел как создатель партизанского отряда, действующего в тылу французской армии на территории России, Польши и Германии.

«В начале Отечественной войны 1812 года Фигнер был штабс-капитаном артиллерии. После занятия французами Москвы он, с разрешения главнокомандующего, отправился туда в качестве разведчика, но с тайным намерением убить Наполеона, к которому питал фанатическую ненависть, равно как и ко всем французам. Намерения этого ему не удалось исполнить, но благодаря необычайной сметливости и знанию иностранных языков Фигнер, переодеваясь в разные костюмы, свободно вращался среди неприятелей, добывал нужные сведения и сообщал их в нашу главную квартиру. Набрав небольшой отряд из охотников и отставших солдат, Фигнер при содействии крестьян стал тревожить тыловые сообщения противника и своими отважными предприятиями навел такой страх, что голова его была оценена Наполеоном. Однако все старания захватить Фигнера остались бесплодными; несколько раз окруженный противником, он успевал спастись. Когда началось отступление французов, Фигнер вместе с Сеславиным отбил у них целый транспорт с драгоценностями, награбленными в столице.

В 1813 г., во время осады Данцига, Фигнер проник в крепость под видом итальянца и пытался возмутить жителей против французов, но был схвачен

и посажен в тюрьму. Выпущенный оттуда за недостатком улик, он успел до такой степени вкрасться в доверие коменданта крепости, генерала Раппа, что тот послал его к Наполеону с важными депешами, которые, конечно, попали в русскую главную квартиру. Набрав охотников, в числе которых были беглецы (итальянцы и испанцы) из Наполеоновской армии, он начал снова действовать на флангах и в тылу неприятельских войск. Окруженный близ города Дессау конницей противника и припертый к Эльбе, он бросился в реку, перевязав руки платком» [Фигнер].

Поэтические строки А. С. Фигнеру посвятил и другой знаменитый поэт — В. А. Жуковский:

...Наш Фигнер старцем в стан врагов
 Идет во мраке ночи;
 Как тень, прокрался вокруг шатров.
 Все зрели быстры очи...
 И стан еще в глубоком сне,
 День светлый не проглянул —
 А он уж, витязь, на коне,
 Уже с дружиной грянул!
 [Антология]

Небезынтересен и тот факт, что Фигнер послужил прототипом персонажа Федора Долохова в романе Л. Н. Толстого «Война и Мир».

Героическая и в равной степени таинственная смерть партизана преподносится Глинкой в финале лирического произведения как нечто чудесное, являющееся логическим следствием его чудесной жизни:

Где он, герой? Куда ж девался он?
 Никто не знает, неизвестно!
 Его искали повсеместно:
 На поле битвы, по лесам;
 Но он остался в ненайденных,
 Ни между тел, ни между пленных.
 Его безвестен жребий нам!..
 [Глинка 1957, 139]

Чудесное и богатырское в образе Фигнера подчеркивается и заключительными словами, прославляющими героя: «Он был прямым богатырем И чудом... как Бова, Додонский королевич!..».

На связь с фольклором в стихотворении «Смерть Фигнера» указывает и соответствующий подзаголовок — «Опыт народной поэзии».

Другому герою Отечественной войны — войсковому атаману графу М. И. Платову посвящено стихотворение «Тост в память донского героя», в котором сильно влияние древних хвалебных песен, певших славу какому-либо герою. Эта черта передалась и народным историческим песням о Платове:

Про Платова-казака
 Прошла слава хороша:
 За его храбры дела
 Будем помнить завсегда.
 От своих чистых сердец
 Совьем Платову венец
 [Исторические песни 1986, 9],

и стихотворению Глинки, дважды повторяемое восклицание в финале которого звучит древней хвалебной славой: «Бессмертье Платову / И честь знаменитым донцам!».

Образ легендарного казачьего атамана графа Платова присутствует и в стихотворении «Приветствие тихому Дону старого казака Грома Булатова...», заключительная строфа которого представляет собой величание Дона, казаков и их знаменитого атамана:

И в потомстве не забудут
 Дона тихия реки,
 Вечно в мире славны будут
 Дон, Платов и козаки!
 [Глинка 1949, 28]

Пением славы оканчивается и стихотворение «Партизан Сеславин», посвященное генералу Отечественной войны 1812 года, прославившемуся партизанской деятельностью:

Героям древности он благородством
 равен,
 Душой прямой россиянин,
 О нем вешал бы нам и предок-
 славянин:
 «Се — славен!»
 [Глинка 1957, 133]

Легендарные герои древности — пример для современников, считает Ф. Н. Глинка, но и герои войны 1812 года достойны своих предков.

В решении темы смерти воина на поле боя автор также опирается на фольклорные традиции. В стихотворении «Смерть Фигнера» используются такие характерные композиционные

приемы народных причитаний, как обращение к другу, развернутое прославление героя. Финал произведения представляет собой лирическое воспоминание о погибшем друге:

Ты помнишь, как тебе твердил я:
 «Говори
 (Как вместе мы запрошлым жили
 летом),
 Рассказывай мне, друг, о человеке
 этом:
 Я рад прослушать до зари!»
 И проводили мы в рассказах
 дни и ночи.
 Тогда каким огнем твои пылали очи!
 Летели мимо нас вечерние часы,
 Слеза в очах твоих светилась
 И тихо из очей катилась
 На длинные усы!..
 [Там же, 139]

В стихотворениях Ф. Н. Глинки, как и в героических произведениях фольклора, патриоты умирают во имя победы своего народа:

Много пало, много пало
 Там, в зарейных полях;
 Но блажен, кто умер славно:
 Он бессмертен будет век!..
 [Там же, 123]

Русский воин из стихотворения «Картина ночи перед последним боем под стенами Смоленска» поет прощальную песнь, в которой тоже говорит о великой чести умереть за свою родину:

Так, братья, други храбрые, мне сладко
 умереть,
 За родину, за милую, за русский край
 святой!
 [Там же]

В стихотворении «Ответ графа Остермана» знаменитый герой 1812 года подобно русским князьям, героям летописной древности, на вопрос гонца: «Французы ломаются... их сомкнутая рать / Идет стеной... всё гибнет... нас немного: / Что делать, граф?..», — восклицает: «Стоять и умирать!..» [Глинка 1949, 32]. В национальном сознании русского народа «славной» смерть может быть только в защиту Отчизны, об этом и пословицы: «На миру и смерть красна», «За отечество живот кладут».

К этой теме примыкает традиционный фольклорный символ смерти — черный ворон:

Может, бледный труп прикроет
Черный вран крылом,
Иль могилу мне изроет
Верный друг мечом
[Глинка 1957, 130].

Традиционный образ подчеркивает трагизм и лиризм ситуации.

Герои стихотворений Ф. Н. Глинки об Отечественной войне 1812 года несут в себе глубинную связь с поэтическими характерами русского фольклора, которым была свойственна коллективность мышления, поведения, поступков. В поэтике образов у Ф. Н. Глинки прослеживается связь с такими фольклорными жанрами, как историческая песня, былина и сказка.

Литература

Аникин 1964 — Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964.

Антология — Антология русской поэзии // URL: <http://www.stihi-rus.ru> (дата обращения: 17.02.12).

Былины 1988 — Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1988.

Глинка 1949 — Глинка Ф. Н. Избранное. Петрозаводск, 1949.

Глинка 1957 — Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957.

Исторические песни 1986 — Исторические песни. Баллады / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986.

Карпец 1986 — Карпец В. И. «И мне равны и миг, и век...» // Глинка Ф. Н. Сочинения. М., 1986. С. 309 — 329.

Кожин 1978 — Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. М., 1978.

Фигнер — Фигнер Александр Самойлович // URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 17.02.12).

Summary. *The article opens the folk traditions of F. Glinka's poetry about the Patriotic War of 1812. The article demonstrates the profound relation between the heroes of F. Glinka's poetry and the characters of Russian folklore.*

Key words: *F. Glinka, the Patriotic War of 1812, folklore, song, bylina.*

Д. В. АБАШЕВА
(Чебоксары)

«ВСЯКИЙ МОЛОДЕЦ НА СВОЙ ОБРАЗЕЦ»: ГЕРОЙ ВОЙНЫ 1812 года Д. ДАВЫДОВ В ПОЭЗИИ Н. ЯЗЫКОВА

Аннотация. *В статье рассмотрены поэтический диалог и реальные взаимоотношения поэтов пушкинской эпохи, а также интерпретация образа воина-героя 1812 года — Д. Давыдова — в поэзии Н. Языкова в контексте фольклорной традиции.*

Ключевые слова: *фольклоризм, поэтика героического, поэзия, Н. Языков, Д. Давыдов, тема войны, молодечество.*

Мотив молодчества в лирике Н. Языкова занимает особенно видное место. Пафос молодчества был замечен в лирическом герое Языкова многими исследователями. Современники поэта видели удалство его лирического героя. Воспевание удалства и молодчества стало основным пафосом ряда лирических произведений Н. Языкова, и не только в ранней лирике. В более поздних стихах он по-новому, но всё же обращался к этому мотиву. В понимании молодчества поэт шел от русского национального сознания. В этом мотиве с наибольшей силой воплотилось то понятие «русскости», которое волновало многих лириков той поры. На волне интереса к национальной самобытности постижение национального характера у Н. Языкова выразилось именно в этом мотиве.

Представление о молодце в русском национальном сознании отразилось в пословицах, поговорках. «Молодец — видный, статный, ловкий человек; расторопный, толковый, сметливый, удалой. Молодец в сказках и песнях — хват, удалец», — объясняет значение этого понятия современник Н. Языкова В. Даль. И далее: «Молодчество ср. удаль, удалство, отвага особенно из похвальбы». Молодчество и удалство в национальном сознании — понятия-синонимы, так же они воспринимаются и